

Янь Мулинь с саркастической улыбкой произнес:

— Да, я сумасшедший. Если бы ты был на моем месте, ты бы тоже сошел с ума.

Шэн Сячэнь на мгновение потерял дар речи, фыркнул и сел обратно на свое место.

Янь Мулинь больше не пел странных песен и не говорил странных вещей, а лишь смотрел на воробьев, которые парами прыгали по проводам.

Время гона наступило.

После того как он достаточно помучил Шэн Сячэня, они наконец добрались до места назначения.

Янь Мулинь шел рядом с Шэн Сячэнем, не собираясь убежать. Кто же откажется от бесплатного ужина? К тому же он все равно не смог бы сбежать — позади шли двое крепких телохранителей.

Он не понимал: неужели семья Шэн настолько богата, что им нужно постоянно ходить с охраной? Или это просто показуха?

Как бы то ни было, Янь Мулинь не был настолько глуп, чтобы задавать такие вопросы. Это было бы равносильно тому, чтобы лезть в дела семьи Шэн. Чужая собственность его не интересовала, и у него не было ни малейшего желания зариться на нее.

В стране Хуася повсюду сохранились традиционные рестораны и культура, связанная с ними. Глава семьи Шэн, нынешний Шэн Циндун, был человеком, который ценил старые традиции. Современные западные рестораны он не любил, за исключением тех случаев, когда их посещение было абсолютно необходимым. Его личные предпочтения были очевидны.

Первый этаж ресторана был шумным и оживленным, что соответствовало любви жителей Хуася к веселью. Янь Мулинь тоже любил обедать и общаться с друзьями в такой атмосфере — непринужденно и естественно.

Но их встретил лично менеджер ресторана. Учитывая такой прием, неудивительно, что Шэн Сяся мог вести себя в школе как хозяин, и даже учителя вынуждены были закрывать глаза на некоторые его поступки, оказывая уважение семье Шэн. Очевидно, социальный статус семьи Шэн был весьма значительным, но все это, казалось, не имело никакого отношения к Янь Мулиню, он просто отметил это для себя.

Ресторан был не обычным заведением для перекуса или проживания. Внутри и снаружи царили совершенно разные атмосферы. Снаружи было шумно и многолюдно, а внутри — тихо и уютно. Снаружи все выглядело просто и скромно, но внутри — резные балки, расписные колонны, павильоны и беседки, мостики над ручьями. Каждый зал был оформлен в соответствии с определенным стихотворением, создавая поэтичную и живописную атмосферу. С тех пор как Янь Мулинь оказался в этом мире, он еще не бывал в таком изысканном ресторане. Это окончательно убедило его в том, что мир погряз в гедонизме.

Менеджер провел их в частную комнату на третьем этаже, откуда открывался вид на живописный пейзаж внизу. Это было поистине захватывающее зрелище, словно картина, полная мечтательности и очарования. К востоку от ресторана находилось озеро, поверхность которого переливалась в солнечных лучах. Нельзя было не признать, что здесь действительно умели наслаждаться жизнью, и пейзаж был действительно прекрасным.

Войдя в комнату, Янь Мулинь первым делом увидел Шэн Циндуна, который сидел на стуле с полузакрытыми глазами, слушая музыку. Шэн Сясяо сидел рядом, опустив голову и пил чай, с выражением полного отчаяния на лице, хотя выглядел он немного лучше, чем в последнее время.

В прошлый раз Янь Мулинь оставил Шэн Циндуна стоять в дураках, и на этот раз тот послал Шэн Сячэня в школу, чтобы тот привел его. Увидев Янь Мулиня, Шэн Циндун не рассердился, что удивило даже Шэн Сячэня. В их семье, если кто-то ослушивался отца, оба брата получали нагоняй. Но Янь Мулинь совершил нечто настолько возмутительное, а отец, вместо того чтобы наказать его, снова и снова проявлял терпение.

— Садись. Что ты хочешь поесть? — Шэн Циндун, хотя и говорил сурово, звучал немного мягче, чем раньше.

Янь Мулинь не стал церемониться, сел напротив Шэн Циндуна, на максимальном расстоянии от него. Шэн Сячэню ничего не оставалось, как сесть между ними, напротив Шэн Сясяо.

С того момента, как Янь Мулинь вошел в комнату, лицо Шэн Сясяо побелело. Он верил в те слова, которые Янь Мулинь сказал ему в тот день. Раньше Янь Мулинь был, конечно, талантливым, но он всегда боялся отца, не смел говорить громко, ослушаться его приказов или противостоять ему. И уж тем более он не смог бы заставить старшего брата, который обычно был как призрак, появляться и искать его.

С таким умением это точно был не тот Янь Мулинь, кого он знал. Может, кто-то вселился в его тело? А куда делся настоящий Янь Мулинь? Эти вопросы снова всплывали в голове Шэн Сясяо.

Сев, Янь Мулинь пролистал меню перед собой и без колебаний начал заказывать блюда. Только когда он остался доволен своим выбором, он закрыл меню и сказал:

— Пока хватит. Если что-то понадобится, я добавлю.

Официант с профессиональной улыбкой ввел заказ в устройство и сообщил Янь Мулиню, что он может заказать что-то еще в любой момент, и это не займет много времени.

Когда Шэн Сясяо очнулся от своих мыслей, он увидел, что Янь Мулинь с улыбкой смотрит на него. Он вздрогнул и сердито сказал:

— Что ты на меня уставился? С таким количеством еды ты не лопнешь?

Янь Мулинь намеренно исказил смысл его слов:

— Ты хочешь, чтобы я умер?

Сердце Шэн Сясяо екнуло, когда он почувствовал на себе холодный взгляд отца.

Шэн Циндун бросил на него взгляд и сказал:

— Сясяо, как ты так можешь говорить с братом?

Губы Шэн Сясяо побелели, и он ответил:

— Папа, я просто забочусь о нем.

Хотя он не признавал их братских отношений, он не смел спорить с Шэн Циндуном.

Шэн Циндун, видя, что его сын выглядит неважно, не стал больше ругать его, а вместо этого повернулся к Янь Мулиню, улыбка которого слегка поблекла.

Янь Мулинь постучал по ногтю и с улыбкой сказал:

— Господин Шэн, я и Шэн Сясяо не братья. Я уже говорил, что моя фамилия Янь, а ваша — Шэн. Сегодня я пришел, чтобы все вам объяснить.

Лицо Шэн Циндуна потемнело, и он поставил чашку на стол:

— Я могу позволить тебе вернуться к своим корням и взять фамилию Шэн.

Янь Мулинь усмехнулся:

— Думаю, вы все еще не понимаете меня. Позвольте спросить, господин Шэн, за двадцать лет моей жизни вы ни разу не обратили на меня внимания, не воспитывали меня и даже не знали о моем существовании. О, простите, скорее, вы просто игнорировали меня. А теперь, внезапно обнаружив, что у нас есть кровная связь, вы настаиваете на том, чтобы я присоединился к семье Шэн. Разве это не смешно? Почему вы думаете, что я хочу быть частью вашей семьи? Из-за банковского счета или чека? То, что вы называете возвращением к корням, для меня не имеет никакого значения.

Затем он указал на Шэн Сячэня и Шэн Сясяо, продолжив:

— Они — ваши сыновья. А я — нет.

Перед тремя присутствующими Янь Мулинь наконец высказал то, что давно держал в себе. Шэн Сячэнь опустил голову, не глядя ни на кого. Шэн Сясяо оставался бледным, крепко сжимая брюки на своих бедрах, все еще размышляя, человек ли перед ним или призрак. Он уже попал в ловушку, которую Янь Мулинь для него расставил, и выбраться из нее было непросто.

Что касается Шэн Циндуна, которого Янь Мулинь публично облил холодной водой, его лицо напряглось. Нельзя было отрицать, что слова Янь Мулиня были логичными, он говорил неспешно, и все трое присутствующих слышали его отчетливо. Тем более он говорил это специально для Шэн Циндуна.

Шэн Циндун остался без слов.

Янь Мулинь, почувствовав жажду, поднял чашку с чаем и сделал глоток, затем продолжил:

— Видите ли, вы каждый день пьете чай, едите изысканные блюда и наслаждаетесь вином в таких элегантных местах. А я в детстве каждый день ждал, когда моя мама придет ко мне, надеялся, что у меня будет отец. Потом я понял, что маму можно называть только тетей, а отца у меня нет. И теперь, когда вы приходите ко мне с деньгами, какая в этом польза? Разве мне не хватает денег? Нет, я могу зарабатывать сам. Нужна ли мне отцовская любовь? Нет, я уже перерос этот возраст.

Шэн Циндун долго подбирал слова, прежде чем сказать:

— Ты не хочешь вернуться в семью Шэн?

Янь Мулинь сохранял вежливую улыбку:

— Я уже все объяснил. Вы умный человек. Если я изменю фамилию на Шэн, куда вы поставите мою мать, которая воспитывала меня двадцать лет? И куда вы поставите матерей Шэн Сячэня и Шэн Сясяо? Мне не следовало бы говорить это. Если бы я был моей матерью, я бы уже дал вам пощечину, и это было бы проявлением уважения к вам.

Еще не успели подать блюда, как разговор уже пошел в тяжелое русло. Янь Мулинь оставался спокойным. Ему не нужно было бояться Шэн Циндуна. На самом деле, скорее Шэн Сячэнь и Шэн Сясяо беспокоились, что Шэн Циндун может взорваться.

Закончив говорить, Янь Мулинь уперся руками в стол, встал и сказал:

— Хотя мне и хотелось бы насладиться изысканной атмосферой этого места, но, пожалуй, на этом все. Я ухожу.

Никто из троих Шэнов не остановил Янь Мулиня. Казалось, его слова дошли до них.

Шэн Циндун, чувствуя себя униженным, был, естественно, не в лучшем настроении. Но он также задумался: а действительно ли он был неправ?

<http://bllate.org/book/16339/1476172>